

СЕРГЕЙ СУРУДИН

Пыхтун

РАССКАЗЫ

Сергей Сурудин

Пыхтун. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279107

ISBN 9785448558047

Аннотация

Рассказы о разных временах и местах жизни человека – от юности, от студенческих лет до... лет более зрелых. И столько людей, и столько их историй. Совпадение с реальными событиями – случайно.

Содержание

Пересдача	5
Бахор	10
Экология комаров Западной Сибири	19
Новый год в большой мороз	28
Валентина Валентиновна	42
Толик	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Пыхтун Рассказы

Сергей Сурудин

© Сергей Сурудин, 2017

ISBN 978-5-4485-5804-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пересдача

Физика! Такая интересная наука... И почему Витя увлекался в школе литературой, не понятно.

Учебник по науке физике попался занимательный, *литературный*. Витя сам покупал в «Технической книге». Жаль, потом выбросил. И фамилию автора подзабыл. Сейчас бы полистать.

В общем, сдал Витя ядерную физику за второй семестр на «отлично». Туннельные эффекты и что-то ещё.

И кому?! Преподавательнице, здоровья ей, которая нескрываяемо-презрительно относилась к ним, нефтяникам, совершенно не показывавшим знаний на фоне студентов-механиков и студентов-автоматчиков-кибернетиков (будущих).

Преподавательница Витю запомнила, он стал её надеждой. Витя об этом не догадывался, образ жизни вёл отнюдь не усидчивый и в третью сессию разочаровал педагога, еле еле наговорив на «уд.»

В среднем – «хор». Вот для чего нужны «отл.»! Хотя бы раз.

Но физика была и в следующем семестре... Предыдущая преподавательница, видимо, совсем разочаровавшись в неспособных студентах, передала их новой молодой красивой преподавательнице Татьяне Фёдоровне, полностью со-

средоточившись на любимых механиках и кибернетиках.

Татьяна Фёдоровна следила за собой, за своей причёской и прочим важным. В отличие от предшествующего преподавателя.

Что не означало, что Татьяна Фёдоровна собиралась следить, чтобы все её студенты в сессию сдали предмет. Да и некогда ей было возиться. Принципиальность здесь помогает.

Прежде, чем завалить физику, Витя стал видеть Татьяну Фёдоровну и на факультативе по философии. Тоже на «ф», но теперь интересней стало это «ф».

Молодой высокий блестящий без пяти минут профессор вёл факультатив, на который советовали ходить. Открывать новые стороны бытия в рамках марксистско-ленинской теории. Профессор также осторожно говорил и о других теориях, конечно, в корне неверных и ложных.

Вечером на факультатив Витя ездил на автобусе где-то в одно время с одноклассником, жившем неподалёку. Когда-то они вместе ходили *на штангу*, пока тренер не прогнал Витю из-за неперспективности. Штангист в лёгком весе ездил на тренировки с коричневым дерматиновым дорожным чемоданом. Что у него там было? Не штанга же?! Штангист хмыкал, встречаясь с Витей на остановке:

– Опять на факультатив?! Охота пуще неволи...

Охота была.

И Татьяна Фёдоровна бывала на факультативе регулярно.

Что ей, преподавателю, было там делать?

Она и не делала ничего, то есть не вела никаких записей, в отличие от любителей. Но преданно смотрела на профессора, иногда поёживаясь на открытую форточку в аудитории, смотревшей окнами в зиму и основательно заполненной начинающими философами.

Ребята из общежития рассказали Вите, что с балкона случайно увидели по тёплому за жидкими деревцами целующихся профессора и Татьяну Фёдоровну. И про себя одобрили это дело в силу молодости и доброты.

По-иному взглянул на поцелуи институтский партийный комитет, тогда не отделённый от государства. У профессора была жена, и это была не Татьяна Фёдоровна. Такая кустодиевская красавица. Казалось бы?! (Татьяне Федоровне больше подходил западный стандарт красоты того времени).

Конечно, без политики. Но – моральный облик...

Процесс ухудшения профессорского морального облика, сменившийся затем его же улучшением, развивался тихо и где-то в стороне. Но результаты известны становились.

Витя, тем временем, разочаровался в учёбе. В этом институте.

Представляете?! У Татьяны Фёдоровны проблемы с моральным обликом (профессора), у Вити – разочарование в учёбе.

Не мудрено, что он завалил физику. Шёл на завал, совершенно не готовился. Такая апатия.

На пересдачу не пошёл. В деканате о нём забыли.

Сессия была весенней. Другие науки Витя почему-то не завалил. Как-то пронесло. К третьему курсу уже выработалось умение сдавать, заключающееся не только в знании предмета.

С тем Витя и встретил лето и практику.

После лета и практики он опять очаровался учёбой – решил не уходить из института. Практика поправила. Что теория?!

А вот профессору пришлось уйти. Из-за морального облика. Ушёл в другой вуз, Татьяна Фёдоровна с ним. По жизни. А так – по физике в том же вузе.

На четвёртом курсе о *хвосте* Вити в деканате вспомнили.

С поникшей головой хвостист явился.

Повезло! Самогo грозного декана не было, был его заместитель, добрейшая Екатерина Кирилловна, вторая мама многих хвостистов, отбросивших хвосты.

«Ай-ай-ай», – и Витя получил уже желанное направление-бланк на пересдачу. Вкупе с информацией, когда и где можно будет найти Татьяну Фёдоровну.

Витя готовился! По тому учебнику. (Какой он неблагодарный, что всё-таки не сохранил его!) Татьяну Фёдоровну он нашёл через несколько дней в одной из аудиторий.

Прежней лёгкой нервозности в ней не заметил. У неё всё стало хорошо. И профессор создавал новую современную научную школу в другом вузе.

С присущей холодностью, но благосклонно Татьяна Фёдоровна приняла знания и расписалась в зачётке. Отпал не только хвост, из души была вытащена большая заноза, которую Витя носил целый год! А для студента это большой отрезок времени.

...Бывая в родном городе, а потом окончательно туда возвратившись, Витя периодически видел издали знакомую пару – профессора и Татьяну Фёдоровну. Конечно, не подходил, хотя был лично знаком с обеими. Они – одни, а нас – много...

Прошли годы, сменилась экономическая формация вместе с появлением инфляции, о наличии которой профессор говорил кулуарно ещё в глухие советские годы.

Витя, тоже не юноша, видит издали пару. В том месте, где alma mater. Уважаемые и жили, и сейчас живут тут, неподалёку.

Татьяна Фёдоровна, как полагается даме, всё так же хороша. Профессор переплавил молодость в седую бронзу и ничуть не горбится. Они всегда под ручку.

Последний раз Витя видел профессора, как ни странно, одного и у того же студенческого общежития.

Но это явно не о том. А профессор продолжает свою стезю.

Бахор

«Бахор» по-узбекски «весна». А они причём?

Весна (и жизни) была, когда они, туристы-байдарочники, путешествовали в многочисленные праздничные дни начала мая по рекам и каналам Узбекистана.

Чтобы всё успеть, к дням путешествия добавляли ещё три дня, полагавшиеся к отпуску членам Добровольной народной дружины. Тем, кто исправно дружинил, и что нашло отражение в списках командиров. Такой стимул дружинить. Успевали за первомайские дни куда-то съездить, походить там и вернуться – десять дней набегало.

В Узбекистан – там тепло. Даже жарко, даже знойно в мае.

Узбекистан начинался в Киргизии, на границе. Мощная река молочно-голубого нефрита с грохотом ворочала камни на дне и шла вниз с гор, уставленная и выложенная по поверхности стоячими волнами, их наложением, перемятостью, гребнями заметной высоты и струями. Это не говоря о речных порогах в начале пути и гидротехнических сооружениях – затем.

Витя сгорел спиной в первый же час сборки байдарок. И ведь знал, что сгорит. Пижонство до добра не доводит. Больше он там не загорал.

Вечером из тряпок соорудили маски на лицо, сейчас их называют *балаклавами*. Те балаклавы повеселей нынешних

военных. Нет, отказываемся от *балаклавы* – *маска*, это симпатичней. Чтобы лицо *сохранить*, как и спину майкой.

За их лагерем – небольшая, но ГЭС. Ок-ружают скалы. А дальше, в степи, можно найти крупные просвечивающе-красные, ещё не сгоревшие на солнце маки.

Володя – бывалый, мускулистый – собрав свою байдарку-двойку, опробовал её – уверенно пересёк – извиняемся за избитое, но здесь наиболее верное выражение – бурную реку и спокойно опять подошёл к берегу лагеря.

Витя, конечно, захотел проделать то же. У него получилась недоразвитая дуга, да и та с трудом, потому что чуть не уплыл в даль неизвестную вместе с беспомощным судном. Самый первый байдарочный опыт не радовал. Чувствовал он себя неважно (как справится с такой рекой такой горе-капитан?!), ещё и спина пылала. За что потом Витя получил почётную медаль «За заготовку кож».

Перед ночёвкой посидели у костра, пели песни. Перешли на частушки. Витя вспомнил единственную, где-то вычитанную и почему-то засевшую в памяти. Исполнил, посматривая на своего матроса.

*С неба звёздочка упала
На прямую линию.
Меня милый записал
На свою фамилию.*

Замолкнув, понял, что частушка женская. Глупо. Ну

и ладно...

Кате, его *матросу*, которая была недовольна распределением по байдаркам, поведение капитана на водах в первый день не могло понравиться. У неё возникали опасения за свою молодую жизнь. Заметим, что опасения не подтвердились, так как Витя и за свою, и тоже молодую, жизнь тоже опасался и тоже боролся за неё. А тем более – за Катину.

Они – в одной двойке: капитан судна, каким бы он *ни* был, сидит сзади, рулит и говорит (*командует*) чего-то там матросу на переднем сиденье, прикрываясь им. Матрос, теоретически, выполняет его указания. Если они последуют. Следовали они на сложных участках. А на несложных возможно молчаливое взаимопонимание и синхрон, когда вёсла для гребли вместе ныряют в воду с одного борта судна, а не с разных.

Но Витя на спокойных участках доставалось от матроса. Никакой субординации... Катя делала замечания, задним, так сказать, временем, как это принято у умных девушек. Когда становилось ясным, что такое замечание нужно сделать. Перед неким препятствием или дилеммой это ясно *не* было.

Почему не указал байдаркам за нами на корягу, торчащую посреди русла?! Или: не сказал другим, что нужно идти правым берегом, а не левым, в чём они сами убедились после прохода именно у правого берега. Или: разве нельзя поговорить с другими байдарками, которые идут рядом?! А этот горе-капитан бухтит: Кончай разговоры, внимание

на воду!

Противоречия «матрос – капитан» не носили, как говорится в марксизме-ленинизме, антагонистического характера, однако, требовали затрат на переработку, следовательно, немного утомляли. Но силы и настроение всё-таки оставались.

...Когда их байдарка, видимо, из-за молчаливости и сосредоточенности экипажа, вышла на первое место в эскадере, что доставляло лёгкое удовольствие первопроходцев, Витя заметил впереди на воде, поперёк всего русла, физически неправильное, но возможное к существованию явление. Гладкая спокойная вода, уже не столь нефритовая, так как они давно шли по равнине после гор, – вода слегка, но по всему пересечению, всем гладким полотном чуть загибалась вниз, а над её изогнутым краем мнилось что-то не водяное, не каменное, – что-то торчащее.

Оберегая жизнь матроса (и свою), Витя дал команду чалиться у правого берега в нескольких десятках метров от явления на реке. Матрос Катя стала работать левой лопастью весла, а *отважный капитан* плюхнулся с кормы в воду и на окончании роста достал ногами дно, подтолкнул лодку к берегу и удерживал. Всё-таки сомневаясь, не глупость ли сотворил на спокойном участке.

Спокойная вода здесь на повышенной скорости устремлялась куда-то. Оказалось – через высокую плотину, утыканную палками, как ёжик иголками, что они увидели, когда

прошли по берегу и заглянули за гребень. Местное население декхан и поселян, таким образом, создало и держало запас воды, столь необходимый в этом знойном крае.

Попадание в байдарке на *ёжика* почти гарантировало экипажу отправление в путешествие без возврата. Хорошо, что экипаж заблаговременно передумал. Не сказать, что внешне это впечатлило матроса – горячка и движение многое скрывают. Во всяком случае, мелкие уколы от него продолжали поступать в установленном ранее порядке. Чтобы капитан не дремал.

Плыли (*шли*) – ели – пели – балдели – спали, грабили прибрежные кишлаки и города – посещали тамошние базары и магазины. Остались походные дневники, вывезенные на родину. И воспоминания...

Будь благославлен древний Узбекистан, для которого и Александр Македонский – мальчик, его не покоривший!

Встреченные аксакалы жали нам руки своими двумя в знак вежливости, которую мы империалистически принимали за уважение.

Естественным водным путём пришли в близость границы с Афганистаном. Говорили – за этими, хорошо видимыми нам из лагеря, горами. Про наши войска тогда не писали, хотя об их вводе известно было. Врач-русская, которой нанесла визит наша врач, призвала к осторожности: местных парней берут в Ограниченный контингент. Именно местных в начале несчастной войны в Афганистане и брали. Оттуда пошёл

груз 200. Русским могли мстить.

Возможно, и мстили. Подростки в разводяях Сыр-Дарьи пытались взять суда на абордаж, проведя артподготовку камнями. Пришлось быстро-быстро, не дожидаясь контакта с противником, бросившимся после артподготовки, как положено, в атаку, запрыгивать в байдарки и спасаться, чтобы не создавать национальных конфликтов. Спасло отсутствие ровного пути от нападавших до байдарочного причала – всё вокруг усыпано валунами, камнями и галькой. Простите нас, местные.

Но, скорее, было зловещее хулиганство. Наблюдаемое по сейчас – например, в отношении поездов – на западе, юге и востоке больших евразийских территорий. Такая всеобщая месть аборигенов...

Убогие мазанки декхан на берегу изумрудного канала в обрамлении ив, чинар и цветов.

Движение по знаменитым ферганским каналам, по ним некоторое время шли, считая, что идём по реке в бетонных берегах.

Совсем не аксакалы днём, но в тени чинары, – в городской чайхане на суфах. Да с бутылочкой «Столичной».

Злобный взгляд настоящего классического старца-муллы в белом, чалме и с Кораном в руках – во внутреннем дворике кокандского вокзала, в каковой дворик они из досужего любопытства заглянули. А ты не мешай!

Наивные и прилипчивые мальчишки на берегу. А у них

тоже была клейка – байдарок, мальчишки выпрашивали резиновый клей в тубиках. Зачем им? Дети не знают. Им просто хочется чего-то нового и интересного. Узнают потом, когда перестанут быть детьми. Их междоусобные споры из-за клея. Обладатели клея, пользующегося спросом у населения, решили установить справедливость под лозунгом «Один мальчик – один клей».

Старик в халате на небольшом каменистом горном поле, огороженном камнями же. Он работает кетменём. Как из старого кино. Камни на поле вылазят из почвы сами по себе, вылазят постоянно, и постоянно он их убирает, убирает, убирает.

Вспоминалась название «Ташкент – город хлебный». Где-то «в Ташкенте», в Узбекистане, жили дальне-дальние родственники Вити. Но адресов он не знал.

Площадь Регистан в Самарканде. Здесь три всемирных чуда архитектуры – медресе Улугбека, Шердор, Тилля-Кари. Подошедший пожилой мужчина говорит, что «Улугбека» строили три года, «а это, – он показывает на приземистое неопределённо-желтоватое коробкообразное здание художественной галереи, – это строят уже восемь лет...»

Маленький ночной переполох в гостинице. Гостиница – в бывшем медресе, кельи – номера. Залезли к девушкам. Крик, переполох! Проснувшиеся и выскочившие сплочённые силы команды разбойников Хасана Одноглазого не увидели, пострадавших в команде тоже не было.

Вечером в большом внутреннем дворе гостиницы включили по громкой трансляции музыку из индийских кинофильмов. Женский персонал и их гости отдавались восточным танцам целиком – плавно поворачиваясь, кружась, семеня, изображая руками цветы и ещё что-то! Витя не видел, чтобы у нас танцевали с таким чувством...

Взаимоотношения «капитан – матрос», выйдя всё-таки на сплавно-безопасный уровень, дальше, по-человечески, уже не развивались. Видимо, Катя считала достигнутый уровень достаточным.

На таком уровне, претерпев ещё ряд устранимых – как это в «Белом солнце пустыни»? – *заминок*, они добрались до пункта Б, счастливые и сложно-довольные. Это про всю команду, и про её отдельных членов.

В пункте Б капитан команды привлёк самых выдержанных к участию в финальном праздничном банкете в ресторане по месту происхождения всей увиденной экзотики. В число выдержанных неожиданно попал и Витя, чем гордится до сих пор.

Остальные члены команды в ресторан идти просто не захотели, экономя силы на такое же, но домашнее, мероприятие, действительно, по окончании пути. Нет, в городе потом состоялся *квартирник*. У капитана капитанов, всегда приглашавшего и выдерживающего любую родственную ораву странников.

Как назывался ресторан? Конечно же, «Бахор»!

В ресторане были немногочисленные джигиты, верещавший кенар Кешка в просторной клетке и они. Обслуживала Краса Севера, попавшая на Восток, – официантка Маша. Она не уступала Мэрилин Монро. Подозреваю, в ресторан джигитов притягивала она.

Чуть уставшие, уходим из ресторана в лагерь, завтра уезжаем домой. Маша как будто невзначай выглянула на крыльцо «Бахора» – посмотреть на людей с её родины. Будьте счастливы здесь, Маша!

Бахор заканчивался и на севере, а здесь, в Узбекистане, закончился давно. Впереди были другие времена года и жизни.

Экология комаров Западной Сибири

Вертолёты подлетали, садились и взлетали один за другим. Одновременно можно видеть штуки три – над разными вертолётными площадками поблизости.

Это только в одном углу.

Бурение на нефть и её добыча. Денег не жалели.

В тайге и по болотам – дорог нет.

Зимники, зимние дороги – зимой.

Так что – летаем.

Начало лета.

В тайге на расчищенной площадке буровая установка – небольшой завод с вышкой, насосами, складами, ёмкостями, лестницами, трапами и переходами.

Запах тайги: хвои и древесной смолы, новой листвы, болот, багульника. Запах, на-долго ставший привычным.

Ну и – комары-комарики в каждом кубическом дециметре – литре воздуха.

Сибирский комар резко отличается от европейского – размером и нравом. Крупнее и решительней, он не вьётся и не пищит где-то в стороне, а бьёт без подготовки, сразу и сильно, тут и раздражаясь победным криком.

(О, антикомариная «Дета», о, сладко пахнущая сетка Павловского! Спасали, но без стоической выдержки и с ними не выжить бы.)

Буровую поставили в низинке. Другого ровного места на гриве в окружении болот не было. Да и по геологии куда хочешь буровую не поставишь. Вся талая вода из округи – буровиков. Грязь – по пояс. Ты туда не ходи.

В общем-то, подсыхает. И есть протоптанное направление от жилого посёлка к буровой: шаговые углубления в грязи по колено.

(Не забыть написать оду резиновым болотным сапогам. Они сродни мушкетёрским.)

Приземлился вертолёт.

На буровой Вити появились однокашники и земляки – муж с женой.

На севере землячество, однокашничество – великая вещь. Не для блата. А для души.

(Так и пронесли это неформально-обязательное единение через годы.)

– Что-то ты серьёзный, – сказал Вите в вагончике однокашник.

– Будешь здесь серьёзным – проблемы со скважиной, в круг не идёт.

(Начальство даст по шее, если не получится.)

– Ладно, – продолжил Витя – Давайте пить чай. С салом! Колбасы в те времена не было. Если доставали – к празд-

никам. Праздники впереди. Сало было.

Что лучше чая с друзьями?! Да посреди тайги?! Несмотря на тесноту старого вагончика.

Полностью насладиться не дали. По грязи с буровой прибрёл бурильщик Рома – большой, как два Вити

– Начальник, шо, прихват!

– Тянул или шо?!

– Тянул. Сто делений. Больше не могу!

В скважине на глубине прилипли трубы. Именно прилипли – глины. И попробуй, выдери...

Витю прошибла испарина. Прихваты ликвидировать не приходилось... На то есть аварийный мастер. Но где его взять?! Пока вызовут, пока прилетит... Только завтра. За это время скважине точно каюк будет. Нечего объяснять, что скважина – дело не копеечное... А они её и так перебуривали вторым стволом, то есть бесплатно – за тариф, без премии. За брак не платят.

С лязганьем на буровую пришёл ГТТ – гусеничный транспортёр-тягач. Другое здесь не ходит. За друзьями, они его вызвали заранее. Уехали, пожелав «ни пуха». Ничем помочь не могли, а мешать не хотели.

Думай, Федя, думай.

Федя надумал. Вот же он, на столе – «Справочник бурового мастера», вот короткая и понятная глава с таблицами «Установка нефтяных ванн»! Для бурильных труб.

Витя сходил на буровую. В вагончике посчитал. Рома

по расчёту качнул в скважину нефти. Час будет кинуть.

Через час – опять на буровую. Ромка говорит:

– Давай, тяни сам, чи шо.

Неуверенными руками Витя взял ручку подключения лебёдки и тормоз. Пневмомуфта пшикнула, вцепилась в вал лебёдки, канат которой стал тянуть трубы из скважины. Индикатор дернулся до восьмидесяти и стрелка упала ниже.

– Всё! – орёт Рома, – Пошел, зараза!

– Возьми ты кочергу, ради Бога! – Витя передал Ромке тормоз и ушёл.

Ушёл, покачиваясь в шаговых грязевых выемках и замирая для ловли равновесия, чтобы не погрузиться в грязь уже и обеими руками, имея погружённые ноги. Комарью пир! Гадды!

Вечером за ужином в столовой настроение у вахт малость получше – пронесло. Второй бурильщик Олег ещё добавил:

– Приглашаю всех на нашу свадьбу! Невесту знаете – Зоя.

Это не стало неожиданность для поневоле наблюдательных буровиков, скученных на небольшом пространстве буровой и посёлка. Засиживался Олежка с лаборанткой Зоей в культбудке¹, засиживался. Культбудка – единственное свободное от людей место, украшенное красным с золотой бахромой знаменем передовиков. Но с широкими окошками.

Лаборантка Зоя была как виноградина спелая белая. Ко-

---

¹ «Культурная будка», получается. Вагончик или его половина, где хранятся и заполняются рабочие журналы, стоит рация для связи.

гда она набирала раствор в желобе, мерила его, склоняясь над ведёрком, буровики смущенно отворачивались, а затем с удовольствием, глядя ей в лицо, получали информацию о параметрах. А Зоя заправляла выпавшую прядь русых волос под каску. Не устоял Олег. И правильно.

...Витя технолог и, как технолог, человек подневольный.

На следующее утро начальник смены говорит по рации:

– Давай к Прокудину, раствор надо делать. Только смотри, на дороге медведя видели. Но это вчера.

До соседней буровой в двух километрах была тракторная дорога. Как раз и трактор приполз оттуда. Витя – туда, трактор – сюда.

– Поехали?! – Витя атаковал «башмака»².

– У меня здесь работа.

– А медведя видел?!

– Следы видел, медведя нет. Не боись, наверно, ушёл.

«Ушёл...» А если нет?! Идти минут двадцать.

Витя идёт... Тишина. Слева тайга по гривке, справа болото. Тишина... Вдруг, действительно, – через дорогу медвежьи следы в грязи... Не свежие. Витя прибавил шаг, насколько можно ускориться по грязи. Озирается по сторонам. Показалась стенка первого вагончика бригады Мити Прокудина.

Финиш!

С Митей жили вместе в общежитии – двухкомнатной

---

² Тракторист.

квартире для ИТР.

Митя из краёв «Песняров». Старше и мужиковатей, как боец пострадал на сердечном фронте, сменил широту проживания и сейчас ждал воссоединения с той второй, с кем. Видно, грустил.

Однажды, не поняв застольной шутки, выбросил в окно девятого этажа клеёнку со всем собственно застольным и обещал *убить всех пацанов*. Правда, тут же испугался деяния и возможных последствий (которых не было) и успокоился.

А так – хороший человек.

Стесняясь, Митя как-то показал Вите карманного формата книжку стихов Сергея Есенина и сказал: «Она всегда со мной».

Кто бы мог подумать.

Глубоко шифруется человек.

... – А, это ты, – сказал Митя. – Давай в вагончик, отдохай, без тебя управлюсь.

– Вызывал же?!

– Я, что ли... Главный технолог. Иди, читай свою «Экологию»... Гы-ы-ы... Да, поможе-шь потом Пете дров напилить на баню.

– Ладно, пойду посижу на спине, – ответил Витя.

И Митя в своей фирменной шерстяной бело-коричневой шапочке ушёл по делам.

Получив по «Книга – почтой» издание «Экология кома-

ров Западной Сибири», Витя в дружеском кругу стал получать и постоянные насмешки. Добрые. Но – годы.

А вот интересно!

(Да здравствует «Книга-почтой» бескнижных времён! И книжки не только про комаров.)

Митя угадал, «Экология» была у Вити в портфеле.

Он опрессовал койку в вагончике. Годится. До обеда можно почитать. Заснул на третьей странице. После обеда продолжил с тем же успехом.

(Месяц спустя книжку всё-таки добил. Главный вывод: во-первых, человек сам приходит в гости к комару, поэтому нечего жаловаться; а во-вторых, сам комара ещё и разводит, создавая стоячие *моря*.)

Петя, задумчивый помбур, свободный от вахты, говорил, когда они пилили брёвна двуручной пилой.

– Нет, я бы с тобой в тайгу не пошёл. Плохо пилишь, дёргаешь.

А где же они, как не в тайге?!

Про «дёргаешь» и Вите хотелось сказать Пете, но он промолчал.

Напилили тем не менее.

Петя изнывал от комаров. Поэтому и дёргал...

– Слушай, – жалуется он. – Недавно слазил на вышку, думал, хоть там на высоте, на ветерке нет комаров. Жрут! И мошка!

Под вечер покуривали с Митей у вагончика в ожидании

бани и ужина.

Чу!

Вертушка!

МИ-2 показался и заходит над таёжным прогалом на Митину вертолётку. А до неё мет-ров пятьсот.

– Митя, всё! Я на хаус!

Витя схватил портфель и побежал.

Вертолётчики обычно не ждали. Чтобы улететь, надо быть дежурить на вертолётке – квадратном настиле из брёвен. Но кто же знал, что вертолёт появится?! Какой-то случайный...

Одновременно с вертолётком оказаться на площадке шанс был.

Витя бежит и поглядывает на снижающийся вертолёт. Успеет!

И вдруг на всей скорости врезается в облако-стаю мошки, висящее над дорогой!

Ладно бы, мошка только за шиворотом и в рукавах... Она и на глазах!

Витя снял очки и, сметая свободной рукой кровопийц с глаз, уже с меньшей скоростью, продолжил бег. Не особенно надеясь, что пилоты подождут... Мошка тормозила. А вертолётное время дорогое.

Вертолёт сел.

До площадки пятьдесят метров.

Мошка позади.

Чистый бег.

Вылез и идёт навстречу прилетевший – КИП³овец...

Неужели улетят из-под носа?!

Нет, пилоты подождали пару минут.

В вертушке, давя на себе мошку, бегун начал приводить дыхание в порядок.

---

³ Контрольно-измерительные приборы.

Новый год в большой мороз

Сашка Пыпин, поймав Виктора в конторе, изрекал напористо, выпятив большой, но острый подбородок. Без тени улыбки. Тряся русыми кудрями.

– Что здесь ошиваешься?! Езжай, там никого нет!

– А что там делать? Бурят и бурят...

– Давай-давай, езжай. И пару долот свари, как договаривались.

Пыпин начальник – буровой мастер, а Витя – его помощник, технолог. Сашка, опытный и не первогодок здесь, знал, что говорил. На Новый год всякие чудеса на работе и бывают. Не всегда приятные и безболезненные... В наивной хитрости Сашке не откажешь. На Но-вый год охота ему, конечно, остаться дома! Витька – холостяк, перебьётся.

Небольшой риск Пыпин допускал: на буровой могут *подать*, начальство может нагряться с проверкой и найти непорядок, но... Ради Нового года надо *рискануть*, а там разберёмся.

Витя поехал, куда деваться. Его технологических дел на буровой не ожидалось. Долота только эти... Ладно, перекантуется, потом с ребятами догонит праздник. На душе спокойно, празднично, неважно, что надо езжать. Уже привык у разъездам, на праздники они так и поджидают.

30 декабря. Утром с вахтой на безотказном «КАВЗе»

поехал. Провожала автобусы диспетчер Нина Филипповна, женщина знойная во всех отношениях. За словом в карман она не лезла. На сочувственное замечание одного из помбуров⁴:

– Что ж ты, Филипповна, в одном платье на мороз...

...она отвечала:

– Хорошая (далее непечатное) до пяток греет!

С таким весёлым зачином автобус тронулся в путь. Ехать недалеко, километров тридцать. Виктор, как *начальник*, сидит на одном из передних сидений, рядом с заезжающим на вахту бурильщиком Володей. Такова субординация, её придерживаются. На передних сиденьях, кстати, трясёт меньше.

И все члены вахты – каждый на *своём* месте в автобусе, порядок нерушим, он почти патриархально-семейный – давно работают вместе.

В автобусе можно курить, чем и пользуются. Времена жестоких гонений на курильщиков ещё не настали.

Ели, пихты, редкие кедры, голые в зиму лиственницы за окошком. Налево поворот на промысел первого здесь открытого месторождения нефти.

Это было задолго до приезда Виктора. Он не годится в первопроходцы, но первопроходцев уважает. Им, действительно, пришлось туго: палатки, старая буровая техника и другое. Зато – хорошие деньги. Что перевешивает – труд-

---

⁴ Помощник бурильщика, рабочий.

ности или деньги? Каждый решает сам...

Мороз уже поддавливал под минус тридцать. Тишь и безветрие при яркой голубизне неба и солнце. Деревья, провода, всё-такое начинает обрастать толстым инеем – вымораживается влага из воздуха.

Буровая установка – идеальное место для анахоретов. Оторванное от цивилизации, но слегка оборудованное для работы и житья. Когда дела идут нормально: вахты бурят скважину, всё крутится и вертится. Главное, чтобы вахты опытные были.

Предпраздничный заезд выпал вахтам Володи Чанова, Анвара Гатина и Пети Корнейчука. Все бурильщики – монстры, давно на Севере. С ними можно спать спокойно: и подремонтятся молча, и по скважине что надо сделают.

Кроме серьёзных осложнений, которые скрыть трудно. Тогда мастер или технолог вылезает из вагончика, начинаются мытарства. Мытарства рано или поздно заканчиваются. Как правило, успех сопутствует. Не первая скважина. Ну, а где не получается – там не получается. Скважину перебуривают. Убытки, конечно. Но с природой не поспоришь.

Такие ребята, как Володя, Анвар и Петя, пробурили тысячи и тысячи скважин по всему СССР. Те темпы бурения и количество скважин, дающих нефть и газ до сих пор, сейчас не снятся. Но и того поколения работников и инженеров практически уже нет.

...Витя сходил на буровую, покурил там с ребятами (стро-

жайше запрещено: тогда не выполнялось; сейчас выполняется). Посмотрел в культбудке вахтовый журнал.

Обосновался в вагончике. До обеда ещё далеко. Неохота, дурь это, однако обещал: долота надо варить. Считалось, что *варёные* долота дольше служат – проходят больше метров вглубь за счёт *защиты* битумом подшипников. А это *ускорение* – неплохая премия. Долота надо поддерживать в расплавленном битуме – каждая мощно-стальная штука по 25 кг. Килограммы не проблема, проблема битум растопить.

Нет бы сразу на заводе делать долота получше. Про такие им, инженерам-буровикам, известно. Но пока не поступали.

Собрал обломки ящичков, досок, поддонов – разложил костёр. Костровой Виктор не очень, хоть турист. Кому что дано. Погрузо-раз-грузочные работы: притащить обрезок бочки, битум, долота.

Варил. Подзакоптился. Вахта на буровой занимается своими делами, только посматривает сверху и посмеивается. Ладно. Сварил, сказал буровикам, чтобы взяли и спустили на следующий рейс в скважину.

Всё, хорош! Свободное время.

Включил телевизор в вагончике. Худо-бедно кажется. Достал книжку. Хорошо – один, никто не беспокоит, на рацию не зовут. Пришипилась все глядя на мороз. Буровая приглушённо шумит в рабочем режиме: трубы позвякивают и штропа, насосы молотят.

А вокруг тайга стоит зимней сказкой. Если не обращать

внимание на бурелом по краям площадки, навороченный строителями: кедры, ели, сосны они просто сносили ножом могучего японского бульдозера и – так и оставляли. Считалось в порядке вещей... Сейчас это безобразие укрыто снегом.

После обеда Витя прилёт. Раз прилёт, значит, уснул. Под работающий телевизор. Так даже приятней. Смотреть-то нечего, кроме «Трудовых вахт» и «Эстафет новостей», а будет кино или нет, он не знает.

На следующий день, 31 декабря, после завтрака к Виктору в вагончик пришли поварахи – Фая и Рая. Они из категории «ягодка опять». Фая полненькая, хлопотливая и смешливая. Рая – повыше, похудей, в глазах искорки. Давно работают по буровым и бригадам, славятся, их все знают: готовят вкусно и споро, могут подкормить и в неурочный час. Себя, конечно, не обижают насчёт продуктов домой (в то непродуктовое время), но делают это умело. Будь Виктор директором, он давно бы дал им «Заслуженного нефтяника». Без кормёжки дела не идут! Иногда попадались такие поварихи – горе...

Фая говорит Виктору:

– Давай мы поедем домой, сам понимаешь – Новый год, семья. Мы вам всё наготовили, столовую украсили. Что вам, мужикам, на-до? Колька-помбур знает, всё ему показали. Разогреете. Посуду не мойте. А мы первого с дневной вахтой и приедем...

– То есть буровики знают, согласны?

– Согласны!

– А деньги как же?

Стоимость еды до рубля. Это если ещё взять сметану, кроме стандартных «первое-второе-третье». У Фаи-Раи и этого было достаточно: накладывали до краёв – на 60—70 коп.

– Приедем – посчитаем, отдадите.

– Езжайте тогда!

Поварихи на попутках уехали. Тогда был закон – брать голосующих. И бесплатно, не то что сейчас. Машины по бетонке ещё двигались...

Мороз, как говорится, крепчал... Термометра никакого нет, кроме собственного тела. Буровики почаще стали делать чаёк – прямо на буровой, в закутке. Витя поднялся к ним, угостили. Хлебнул:

– Нет, ребята – язык в трубочку сворачивается.

Не чифир, но о-очень крепкий. На время греет. Мужики, в общем, молодые – ничего.

– Слышь, начальник, – говорит бурильщик Володя, – а мороз-то того – активированный день...

Тут электрик зовёт на рацию. Лёша-дис-петчер бубнит:

– Вы там давайте – день активированный, распоряжение получили. Ниже сорока одного, в ночь до пятидесяти.

– А раньше не мог сказать?

– Да только сообщили!

– Ну, ладно, разберёмся. С наступающим!

– И вас!

Говорю ребятам:

– Мужики, активированный день!

– Козе понятно. Ладно, сейчас долото добьём – немного осталось, вира и шабаш. А то уже задубели все.

В активированный день – с очень низкой температурой, а то ещё и с ветерком, «эфир струит зефир», – работать нельзя: обморозишься. Буровые не утеплены, в отличие от зарубежных канадских, – надо прятаться в тепло. Старожилы рассказывают, что на сильном морозе металл ломается. Может, и ломается. Виктор ни разу не видел...

Шабаш пришлось делать раньше, но по причинам, не зависящим от буровиков. Отключилась напруга, то есть электроэнергия!

У всех ёкнуло, но что делать – вперёд...

Виктор нацепил запасную грязную телогрейку и – к буровикам. Они в темноте с факелами запускали аварийную станцию – на что-то хватит энергии. Хоть аварийка под паром, запустить её удалось не сразу. Вот пошла... Пока есть солярка, попыхтит.

Виктор посмотрел на ребят: закутанные, одни глаза, но страха в них нет. До подхода страха есть время, можно подождать, поджав пружину внутри.

Рация на аккумуляторе. Вовремя заменили! Есть аварийное освещение. Парит котельная: нефть поступает, котёл работает. Погаснет – люди остекленеют.

Правда, кочегар Костя немного ругался.

– ...! Нефть с водой, плохо горит...

– Ты шухер не поднимай. – успокаивает Витя – Горит же пока? Нефти полно, по поплавку видно, немного эмульсии попало. Пройдёт пачка, получше будет.

Витя побежал на рацию. 20.00.

– Алё, алё! Алексей!

– Чё орешь, алё.

– У нас отключение!

– А то не знаю. «Земля на фидере»⁵, ждите.

– Чего ждать-то?!

– Аварийку запустили?

– Запустили.

– Котельная дышит?

– Дышит.

– Ну, вот и ждите. Всё колом стоит, минус 55-ть. Машин нет.

– Да-а, помощнички...

– А я что сделаю?! Начальство в курсе...

– Конец связи.

Тёмная ночь. Буровики из своих вагончиков собрались в котельной. Тут ближе к «нулю». Угрюмо помалкивают, лишь отдельные короткие фразы. Бесплезная сейчас большая самодельная электробатарея из обсадных труб есть только в вагончике мастера, остальные вагончики обогревают-

---

⁵ Терминология электриков.

ся... обогрелись... паром от котельной. Теперь бы котельной не замёрзнуть самой. Пока работает. А трубы во все вагончики уже замёрзли.

В просторной котельной разместились кто где. Дежурная вахта – до полуночи Чанова – ходит на буровую *шевелит* инструмент – поднимать вверх и опускать вниз бурильные трубы в скважине, чтобы они там не прилипли, не прихватились. Если прихватит – авария.

Витя тоже сходил на буровую пошевелить инструмент, закрыв до глаз лицо воротником на застёжках. При аварийном освещении там непривычно мрачно... Инструмент ползёт вверх на аварийке еле-еле. Потом вниз. Так пару раз.

Выходя на трап, Витя задел ногой прислоненный лом. Лом с грохотом упал и напрочь разломился на две неравные части. Вот тебе и *не видел*. Витю прошиб пот, несмотря на мороз.

– Ну, что, славяне, прищурились?! – гаркнул, наконец, в котельной разбитной Ко-лька-помбур. – Живы будем – не замёрзнем. Одиннадцать часов. Скоро Новый год! Пошел за ведром!

«Славяне», включая Венера и помбура Ильдуса, встрепенились.

– За каким ведром?!

– Картошка с мясом!

– Ложки не забудь! – спохватился хозяйственный Петя.

– Будь спок!

– Молодцы Фая с Раей... А где греть?!

– Как где, – обиделся кочегар Костя, – а котёл на что?

– Сгорит!

– Да не в топку – рядом!

Так и сделали. Картошка в 12-литровом зелёном эмалированном ведре начала медленно оттаивать. Вместе с котлетами на противне.

Бурильщики Володя и Петя достали сохранённые и согретье на груди три бутылки красного: Вова – одну, Петя – две. Эх, если бы знать, что не работать, взяли бы не это! Ехали-то ведь работать, а *это* – по чуть-чуть. А там уж дома. Что ж делать, по красненькой, по грамульке. По грамульке, по очереди из доставленных гранёных стаканов.

Володя, как старожил, произнёс оригинально-советское:

– С Новым годом, товарищи!

Они действительно были товарищами в самом понятном смысле. Витя на первые роли не лез, пусть ребята сами говорят и общаются.

Начали ковырять картошку, жевать котлеты. Лучше на душе!

Последние 50 грамм каждому. Артель-то ведь – пятнадцать человек. Хорошо хоть, что бутылки по 0,7.

Кто задремал, кто покуривал. Вова, малость разгорячившись, решил потолковать.

– Вот скажи, – обратился он к Вите – что ты здесь забыл? Видишь, как заворачивает... В городе-то лучше.

– Может, и лучше, только у меня специальность такая, сам выбирал.

– Ну и зря...

– Что зря?

– Торчишь тут в тайге да на болоте, а жизнь проходит.

– А ты что такую работу выбрал?

– Это она меня выбрала. Родители сюда маленьким привезли, так и живём здесь. На большой земле никого и ничего.

– Понятно.

– Понятно-то, понятно, а жизнь проходит...

– Глядишь, лучше будет, – *бросил леца* Витя.

– Это вряд ли... А что не женишься? Смотрю, тебе под тридцатник...

– Да так как-то...

– Правильно, не женись!

– Ну, ты хватил.

– Чё хватил, я вот со своей цапаюсь...

Лучше стало у Володи – не без трудностей, конечно. Тогда, как узнал Виктор, Володя был в очередном мужском возрастном кризисе. Что-то много у мужчин возрастных кризисов. Мужчины когда-нибудь взрослеют? Чтобы без кризисов?..

Тягостное ожидание продлилось до полудня 1-го января. Электроэнергию дали! Герои электрики! По такому морозу... Но добывающие скважины не должны стоять. Нефть нужна стране! На этом *фидере* и буровики.

Полегчало.

И мороз смягчился – до сорока пяти. Громадное выстуженное атмосферное пятно продолжало накрывать. Бледное, как луна, светило косматое солнце, тоже замёрзшее. Хорошо хоть без ветра.

Виктор пошёл в свой вагончик, врубил электробатарейку. Повеяло теплом. Зачем-то, на радостях, включил телевизор. Громадный ящик жалобно запищал и работать отказался. Его пришлось потом списывать... Сашка Пыпин, конечно, витийствовал: «Что да почему?!» Идёт он в баню, как было сказано в известном фильме.

Буровики начали отогревать трубопроводы. Адская работа. Трубки отогревали кусок за куском факелами, проделывая в трубках сваркой отверстия. Теперь ребята *закоптились*.

К вечеру пар от котельной пробился к столовой, двум жилым вагончикам и кое-где на буровую. Вахты поели горячего, переночевали в тепле.

2-го и 3-го тоже были активированные дни. Буровики понемногу отогревали трубопроводы, чтобы продолжить бурение. Работали, отчасти, ведь *на себя*: быстрее добурят скважину – больше премия. На этом Север и стоял. Несмотря на мороз.

Рация разговаривала, но машин не обещали. Сашка Пыпин за всё время ни разу не вышел на связь с родной буровой. Ну, деятель...

4-го мороз подослаб – решили начать. Инструмент в скважине не прилип, спустили *варёное* долото, и оно дало очень неплохую проходку.

В этот же день пошёл автотранспорт. Прикатила паровая установка на отоплев оставшегося, приехала сменная вахта. Счастливицы – сменные буровики поехали домой. Пыпина в этом автобусе не было... Виктор остался.

Сашенька приехал только днём 5-го. И с места в карьер начал говорить, что сделали не так. Наглость – второе счастье. Витя молча собрался и уехал домой, то есть в общежитие.

Друзья-«сокамерники» его потеряли.

– Ты где пропал?!

– На буровой.

– Что, и Новый год там?! Срочно в ресторан – догонять.

Авось пробьёмся, все уже *устали*.

Да и друзья Вити тоже *устали* праздновать наступление Нового года, однако, в ресторан с ним пошли. Очередное Новогоднее чудо и компенсация: ресторан – единственный на город – открыт и есть места. Часть этих мест они с друзьями и заняли. Зал полупустой. Действительно, *устал* народ – дома сидит, кто не на работе.

Заказали, как положено. И шницели. Витя пил водку рюмка за рюмкой – и не пьянел. Внутренняя пружина, которая держала все эти непростые дни, никак не хотела распрямиться и занять обычное положение. Друзья морщились и чуть

пригубливали, пяля глаза на удаль Вити. Раньше за ним этого не наблюдалось.

Да, а от друзей-туристов через несколько дней Вити получил письмо: они на большой земле тоже попали в сильный мороз. Новый год поехали встречать на природе... Полстраны накрыла стужа. Нашли друзья, когда поехать... Он-то хоть – по работе. Туристы чуть не *вымерзли*, а во время согревающей игры в футбол треснул мяч. Но пострадавших не нашлось. А так бывает не всегда. Новогоднее чудо.

Валентина Валентиновна

Валентин Петрович положил руку на баранку «КАвЗа» в обнимку, лучась морщинками у глаз, смотрел, как выходят из служебного автобуса.

Всё, отработали, домой. Кто-то спросил:

– Как Валя?

– А-а, – махнул рукой Петрович, – в секретарши перешла.

Петровича многие знали и уважали за спокойный, но твёрдый нрав, полную безалкогольность да и за возраст, конечно. Несмотря на дочь. Петрович один из старожилов, возраст пенсионный. Но работает. На ближних рейсах.

Давно, потеряв жену, приехал сюда с дочерью, тогда подростком. На старом месте оставаться не мог...

Живёт в общежитии, ни на что не претендуя. В смысле квартиры. А вот дочери квартирку однокомнатную *сделал*... Передовик производства, партийный, стаж.

Общежитие Петровича, конечно, семейное. Один справляется с хозяйством. И никто ему не нужен. Новая жена. Крепко любил первую. И не может забыть. Дочь Валю, названную в его честь, выучил, она закончила техникум.

Теперь Петрович едет к ней – проведать, всё-таки дочь.

– Папа. Проходи.

– Здрассти-здрассти. Что празднуем?

На столе стояла бутылка красного болгарского вина.

– Да, нет, ничего. Так, отдыхаем с Васей.

Вася был сожителем, но хотел жениться.

– Ну-ну. Денег надо?

– Балуеть ты меня.

Петрович сунул Вале несколько купюр.

– Ладно, я поехал. Смотрите, не увлекайтесь.

Не увлекаться Петрович предложил женщине за тридцать – 90—60—90. Талия чуть не та, но остальное... И лицо. Помимо красоты, оно умело показать ум и внимание – на людях. Было в меру насмешливым, когда мужчины автоматически начинали ухаживать...

– Что надоедает?! – спросил простой Вася.

– Отец! И денег дал, – отрезала Валя, имевшая над Васей власть.

А что с Васей не расписались ещё... её это особенно не волновало. Так, для приличия, может, и нужно. Как-нибудь потом. Молодая ведь. Детей нет – это даже хорошо. Вон их сколько у других, маются. Меньше хлопот. Да и любят больше.

Новый директор, как заметил, сразу пригласил в секретарши. Ну, прям моё место. А то сидела какая-то лахудра от прежнего...

Зарплата – дай-дай другим. Всегда на виду. Мужчины. Можно ими командовать, а они такие покладистые. Кроме некоторых на-халов – особо приближённых и старичья. Особенно этот, аксакал-саксаул, главный по котлам, придёт – си-

дит-сидит у Кирилла на диванчике, делать нечего... А тот выпроводить не может, деликатничает. Не могу зайти без свидетелей. Остальные ничего... «Валя-Валя, можно?» «Валентина Валентиновна, позвоните мне, как появится». «Валечка, мне бы письмо зарегистрировать»...

Да, Кирилл Семёнович не зверь... Не зря я тогда летом без нижнего белья ходила. Приворожила. А он – знает меру, всё ж семейный, партийный...

– Пойдём? – бубнил Вася. – Пора спать.

– Да ты что, рань такая. Потом тарачись в потолок! – не согласилась Валентина.

Вася на семь лет моложе. Бурлит. И без ума. От неё. Да и так... Большой, сильный. Работа такелажником его не изматывает. Глупый, конечно. Но предан. А что ещё надо? Может, и надо что...

Вася прискакал чуть ли не на следующий день после смерти первого мужа. Ни стыда, ни совести. Владик и познакомил, первый муж. Хлебосольный был, дружил со всеми подряд. Да и она была не против. На каком-то застолье и познакомились с Васей. Он, как заколдованный, стал заглядывать к ним. Ещё Владик был жив. «Давай, говорит, Владислав Федорович, выпьем с устатку! Валентина Валентиновна, и вас приглашаю!» Дурак безмозглый, а то Владик без глаз... Хорошо, хоть неревнивый был. Усмехался. Ему – на работе побыть, посидеть с друзьями, книжки. Я его, конечно, уважала за ум, но карьеры он не сделал, как надеялась...

Петрович ехал на пустом автобусе в гараж.

Автобус у него новый, да он и следит, слесарям и мотористам не особенно доверяет – всё сам... Нерадостные осенние сумерки. Шуршат колёса, автобус крякает на рытвинах. Радио в машине не признаёт. Тишина одинокой езды, мысли разные...

Мелькает редкий пригородный лесок по сторонам под фарами. Ещё не холодно, до нуля...

В кого Валька такая? А какая *такая*? Разное говорят. Есть доброхоты, у которых зудит. Ну их к Богу. Да, не повезло ей с первым мужем. Польстилась на красавца-интеллигента разведённого. О чём думала? А ты о чём думал? Ведь люблю я её, дуру! Непростая у нас с ней жизнь задалась после смерти матери. Но ничего, выдержали. И всё вроде в порядке... А потом у неё началось, у Вальки. Понятно, парня хорошего найти непросто. Даже с её красотой, и неглупая она... А что мог ей сказать или сделать? Квартиру сделал – и то чудо. Что ещё я могу? Только терпеть, надеяться. Хотя надеяться, кажется, не на что. Веет от Вальки чем-то винным, сумасбродным... Одна у меня опора и память – Ирина покойная. Она со мной...

В гараже Петрович пересел на вахтовку, развозившую водителей по домам.

Привычная комната. Взглянул на маленькую карточку Ирины. Не спеша переоделся в домашнее. Стал готовить ужин: достал котлеты, лапшу, жарил, варил, посматривая

на телевизор. Там, как всегда, был Горбачёв. Горбачёв говорил ласково, но не совсем понятно о чём. Петрович сел за ужин.

Стук в дверь:

– Валентин Петрович, вас там спрашивают!

Спустился вниз. Стоял бледный и, кажется, гневный Василий Вали:

– Не знаете, где Валя?!

– Давай-ка выйдем на улицу.

При вахтёрше Петровичу разговаривать не хотелось.

– Вот записку оставила... – продолжал Вася на улице.

В записке было: «Пошла к Людмиле, скоро буду. В.»

– Я задремал немного. Сейчас сходил к Людмиле, Вали там нет и не было! – продолжал Вася.

– А что пошёл-то? Написала ведь, что скоро придёт. Мало ли, какие у баб разговоры?! – с нажимом спросил Валентин Петрович.

– А вдруг она там засидится?! Женщины ведь такие... Но её там нет.

– А к той ли Людмиле ты пошёл? – старался утешить *отеллу* Петрович.

Город маленький. Многие знали друг друга, и давно. Но не до последнего же человека. Не всех же Людмил.

– Вот что, Василий. Ты бурю в стакане не понимай, иди домой – скоро придёт.

Василий пошёл. Было десять вечера. Дома открыл ещё

одну бутылку вина. Курил сигарету за сигаретой на кухне и смотрел, не видя, телевизор.

Ближе к двенадцати Валя пришла.

– Где ты была?! – бросился в прихожку Василий Отеллович.

– Я же тебе написала – у Людмилы.

– Я там был, а тебя там не было!

– Ой, я забыла приписать, Вася! Это не наша Людмила – новая, недавно у нас работает, приехала с Украины. Очень просила зайти поговорить. Чай пили с вареньем, – ответила Валентина Валентиновна спокойно-радостно.

А про себя повторяла слова Кирилла на прощанье:

– В следующий вторник. Здесь же, в охотничьем домике.

Толик

Виктор ехал на скважину, на базе попросили передать мастеру Федотову бумаги. Сказали, ждёт.

Знакомая до последнего дерева на обочине бетонка. Тайга давно отступила, больше – болото. Мелькнул промысел с чёрным нефтяным отстойником-ямищей. Проехали товарный парк: огромные серебристые резервуары, факел в стороне. Радует обильный бледно-малиновый иван-чай вдоль дороги.

Ранний вечер. Вечер так и будет ранним долго, потому что время белых ночей.

Заехали к Толику, это рядом с бетонкой.

Смотрит Витя, Толик на буровой – наверху. Ну, бог бурения! Босиком, не боится железных заноз. Ещё молодой – плотный, не толстый, молодец, совсем без живота, сильный, редкие тёмные волосы – лысеет. Карие глаза на выкате, моргает Толик, сильно их зажмуривая. Полные чувственные губы. Смеётся басом, негромко. Пластика движений *смоктуновская*, замедленная. Умного зверя.

Майнают⁶ трубы. Что-то Толик решил сам встать за тормоз⁷. Движения выверены до небрежности в их начале и пре-

---

⁶ Спускают вниз, в скважину.

⁷ Рычаг управления буровой установкой.

дельной точности по завершении. Вите дальше, подниматься по трапу не стал.

– Здорово! – кричит снизу. – Бумаги тебе.

Толик спускаться и здороваться не намерен. Бог же. Хотя сам просил привезти.

– Иди, положи там к рации.

Витя видит спину.

Вагончик мастера кучеряво стоит под сосной, её ветвь осеняет крышу. Понимает Толик, что к чему. Витя бросил бумаги на стол. На шум дверь в другую половинку вагончика приоткрылась, мелькнуло женское лицо. Дверь закрылась. Витя ничего не видел. Прогоняя лёгкую досаду, уезжает. А может, ему надо было подняться к Толику наверх? Мог бы и спуститься, тут ждут. Витя перебеётся. Мелочи.

...Толик сидит в общем вагончике у рации в благодушном настроении: скважину закончили и с хорошим по срокам ускорением. Погода под настроение – тепло, солнышко.

– А, царь морей... У нас всё тип-топ. Давай, начинай.

Царём морей Виктор стал, занявшись цементирующими работами. Шутка. А что?! Объемы жидкостей – в сотни кубометров, народу – человек под тридцать. Шутка шуткой... И отвечать ему, если что не так.

– Погодь, раствор посмотрю, – говорит он Толику.

– Да нормальный раствор! Давай начинай! – Толик отвечает так напористо и безоговорочно, что от одного этого тормозиться будешь.

Уже без улыбки смотрит коричнево. В ясных навыва-
те отражаются люди в вагончике со всеми подробностями.
Дверь, окошко, в окошке застывшая буровая, Дверь откры-
вается, входит Олежка... Телестереоглаза – телевизор. Смот-
реть не хочется. Разговор вести надо. Глаза безучастные,
лицо неподвижное. Секунды. Телерамка не может передать
участия. Только то, что внутри экрана.

– Сейчас померят раствор – начнём.

Вошедший тампонажник⁸ Олег угощает Витю грецкими
орехами в краю орехов кедровых.

– Спасибо, но...

Но зубы – забор с прорехами и некрепкий.

– А... давай сюда! – говорит Толик недотёпе. Вите не жал-
ко.

Толик давит орехи торцом двери о косяк – открывая её
и прижимая весело и быстро, с хрустом ест. Хорошие зубы.

– Ну вот... – бормочет неслышно Толику Вите в спину
Олег, – Я же тебя угостил, не этого...

Анатолия Ивановича уважали, но любили не все.

Приходит миловидная лаборантка Рита. Кладёт на стол
журнал с записями. Толик раньше Вити открывает. Витя
смотрит тоже:

– О... Анатолий Иванович, растворчик-то того, обраба-
тывать нужно.

– Да ладно! – сердится он. – Закрой глаза, мелочи! У меня

---

⁸ Работа с цементным раствором.

уже бригада монтажников на новую скважину заказана, вот-вот приедут.

– Нет, Толик, будем обрабатывать и промывать.

Поединок начался. И тут же состоялся. Но не закончился. Закончиться он мог, не начавшись, если бы Витя махнул рукой и согласился на *мелочи*. Мелочи. Действительно, мелочи. Из которых складываются крупные дела, как это не банально звучит. Проверить мелочи цифрой потом нельзя.

Поединок Витя выиграл. Против технологического *букваря*, высказанного с наивной уверенностью и безоглядностью, без скидок на *надо*, мастер в открытую возражать не мог, а бригада не приучена. И всё же поединок продолжался, потому что положения *букваря* надо внедрить в жизнь. Дальше – почти всё молча с ребятами из бригады, которых Витя знал поимённо. А тут словно раззнакомились. Но делали, что он сказал. Кстати, Толик недоработал. Благодушное настроение его подвело. Мог велеть лаборантке написать правильные цифры. Хотя она ему и не подчинялась. Витя сам в состоянии раствор померить. Но доверять тоже необходимо.

Всё могло быть проще! Махнул бы Витя рукой на *мелочи*, поболтал бы с ребятами, покурили бы, чаю выпили... Но не с мастером. Толик гостеприимством не отличался принципиально. В вагончик не приглашал: занимайся своим. Очень деловой подход. Вряд ли во всём годящийся. Но Витя умом понимал его правоту.

Попили бы чайку с бригадой, а там, само собой, – к де-

лу. Вышколенным ребятам Толика дважды повторять не надо, да и вообще, ничего говорить не надо: каждый прекрасно знает свои действия и ждет лишь знака. Сейчас – тоже, но мрачно. Тоскливо среди враждебно настроенных людей. Смотрят недоброжелательно: мастер сказал, что Витя их из-за прихоти денег лишает, премии. Потому что задерживает окончание работ.

Как быстро меняются настроения людей! В общем – по приказу. Редко кто *сам с усам*.

Один водитель решил зло подшутить: Витя залез на его машину посмотреть, сколько в бункере цемента, как надо или меньше, – он тронул и поехал. Далеко ему не уехать. Витя удержался за поручни при толчке. Бункер высокий – три с половиной метра. Посмотрел на цемент в люки, слез по лесенке на закабинную площадку, спрыгнул на медленном по песку ходу. Как будто ничего не было. Пацаны! По цементу – порядок...

Этих, тампонажников, он тоже задерживал: им хотелось быстрее начать и кончить, и по домам. А тут какой-то хмырь умничает. *Хмырём* Витя оказался для нового ему водителя, кем-то подговорённого. Кем? Другие тампонажники относились к нему терпимее, а то и с пониманием.

Как и буровые бригады, Виктор знал и многих-многих тампонажников – работал с ними постоянно. И не сказать, чтобы он свирепствовал, подписывая акты, по этим бумажкам им потом начисляли зарплату: *округлял* часы работы, за-

крывал глаза на мелкие недоработки и нестыковки, обычные при работе большого количества людей и техники. Хотелось, чтобы было и по факту и по-человечески. Особых проблем не было. Но кто сказал, что на работе всегда должно быть комфортно?! В таких условиях. Одно утешение, что дела его скоротечны: четыре – пять часов и – уедет.

Толик сидит у себя в вагончике, не показывается, не подходит. Враг он Вите.

Закончили вечером, в сумерках. Не успел Витя передать данные по рации – минутное дело, – вся колонна отработавших машин уже двигалась вдали по боковой дороге, он наблюдал только подпрыгивающие задние красные стоп-огни. А ведь кое с кем из водителей договаривался, чтобы подвезли до города... Ничего, доберётся на попутках.

Работы по монтажу на следующую скважину он Толику сорвал – перенесены на следующий день. По объективным причинам. А ему сорвали быстрый проезд домой. Голоснул, едет в чужом автобусе. Попутные брали безоговорочно. И – даром. Сейчас это – в прошлом...

Незнакомый, но *свой*, из города, народ в автобусе. Годы знаешь людей в лицо, но не знаком – не разговаривали, не было повода. И они – так же.

Красивые, не усталые даже вечером, девушки на сиденьях через проход в автобусе. Обычно женская красота вдохновляет. А тут... Витя настоял на своём, надо успокоиться, но на душе шершаво: сколько ещё таких дел впереди. Ры-

паться одному. Не жаловаться же. На такие жалобы ответ один: «А ты сам куда смотрел?!» В общем, делай. И отвечай. В управлении, конечно, поддержат. И компромиссов хватает. Однако железные правила существуют. Боязнь за себя? Нет, это ему в голову не приходило.

Ночь Витя спал беспокойно, какая-то чесотка одолевала и при засыпании, и утром. Конфликт в нём жил. С конфликтом по жизни, то есть – по работе. Да нет – и по жизни, одно от другого зависит. Ещё как. Утром нагрубил жене в ответ на невинный вопрос. Ну, Толик, гад.

А что, собственно, произошло? Ничего! Один хотел так, другой так. И всё. На уровне разговора и осталось. Но Толиковы глаза говорили: *не забуду*. С полуоборота, без обдумывания и понимания. И нет назад дороги – к примирению. Ежели чего – если будет борзеть, в понимании Толика, – Толик и начальству может сказать, это известно: «Мы тут работаем, стараемся, а нам мешают». Кто более мачехе-партии ценен?! Партийный Толик-передовик или технолог безродно-беспартийный?! Глубинной ненависти к Толику не было – сожаление, в отличие от него, который отбрасывает людей. Ради цели. И просто так, если не нравятся.

Витя мог и не ездить к нему, выбор за ним. И не ездил. Иногда. Трусил? Нет, брал себе более отдалённые участки. Но всё равно, по раскладу работ – не избежишь.

...Кусок льда пролетел близко к их головам – со стеклянным взрывом разбился о балку основания. Немаленький ку-

сочек был... С баскетбольный мяч. Что поняли, когда разбился. Испугались – обрадовались. По две секунды на то и другое. «Бряк-бряк» каната вспомогательной лебёдки о металл наверху стихло. Насос выпрыгнул из ледяного кокона. Отправив *мячик*, часть кокона, в их сторону.

Они с Николаем Евгеньевичем посмотрели друг на друга расширенными глазами. Зимний мир – не только в заледеневших-заиндедевевших громадных железках, но и в елях, пихтах и кедрах, в ровно наметённом снегу под голубым небом – мир вокруг прибавил яркости. От расширенных глаз.

Николай Евгеньевич гаркнул для разгрузки:

– Э, вы чего там, ё-кл-мн!

Так и происходят несчастные случаи на производстве. Никто их не хотел, перед этим – не хотел убедиться в безопасности. Или. Или – очень не захотел. Толик – такой. Передовик производства, ему и главный инженер не *ровня*. Полез, видите ли, главный с проверкой, когда у него, у Толика, насос под буровой не качает. Не качает – и не качает, сам разберётся. И не май месяц. Всё замёрзло. Дёрнул Толик насос, хоть видел, что они с Николаем Евгеньевичем подошли к тому месту. А вы не лезьте.

Толик выглянул с верхотуры. Уже – струхнул. Тянул насос не он, но команду он дал. Лицо на всякий случай придурковатое сделал: «Не знал, не видел». Никто из них Толику про лёд-мяч не высказал. Самим смотреть надо. Но ясно: пугает.

Виктора – точно.

Мог бы и отцепиться. Но цепляются по определению, а не только – в ответ. Не нравится человек – и всё. А также – и то, и другое. И когда ты в хозяйской силе – можно и пренебречь этим человеком. Здесь не хулиганские разборки с полуоборота: не так посмотрел, не то сказал. Хотя разницы – никакой. Толик мыслит беспощадно: «Я здесь хозяин, а вы – никто». К звёздам прёт, которые на грудь, а в карман блага советские. Ради этого можно кое-кого попинать. Или попугать. С кем что проходит.

Нюанс: пока Толик свою бригаду не сколотил и не вышколил, с палкой ходил по буровой. Палку у него в руке Витя однажды увидел, всё понял. Впрочем, из бригады жалоб не поступало. *Сколотил.*

Толя, сам хороший технолог, подобрал себе помощника-технолога из знаменитых – Гришу Улина. Но бывают случаи и моменты критические. Лучше договориться, чем показывать прилежание на проколе. А они неизбежны, проколы, то есть возникают вне зависимости... Главное – не светиться. Если уж показывать аварию, – не раньше, чем свои меры принял. А договариваться... Жена в ОРСе⁹, – за *стеклянный рубль*. Так просто в городе водку не достать, не купить. Курс этой валюты был намного выше, чем сейчас у евро. И потом существуют другие способы договорные, кроме

---

⁹ Отдел рабочего снабжения – всеми товарами: склады, магазины (СССР). Не районного, а именно *рабочего* снабжения.

бутылочного – акты, рапорта. Их написание и подписание. Самые что ни на есть деньги. А у Толика право подписи, не оспорит никто. Если зарываться не будет. И все в друзьях. Кроме Вити. И ещё нескольких.

...Тонкостенный стакан под сильными пальцами Володи Астафьева, он водил ими по краю, издавал поющие электронные звуки. Друзья посмеивались и восхищались умением музыканта. Володя – действительно музыкант, его инструмент – не стакан, в некотором роде. Труба. И он играет на трубе в большом городском самодеятельном оркестре много лет, какими бы ни были дела, какие бы должности ни занимал. Оркестр давно стал по умениям профессиональным, выступает в шикарном Дворце культуры. Коллеги-друзья-музыканты называют Володю «Шкаф» – за комплекцию и добродушие.

Руководитель оркестра, друг Володи, Московскую консерваторию закончил. И продолжал работать здесь, в глухомани. Интересные люди. Интересные люди и *жмуров таскали*, по их терминологии, с музыкой духовой, – если просили. Пояснить, что такое *таскали* и кто такие *жмуры*? Думаю, не надо. Впрочем, город ещё вполне молодёжный и такие случаи редки. Несчастные случаи – иногда, *кого-то* родня увозила на большую землю, если было куда.

Собрались *просто так* у Володи в квартире, им хорошо знакомой гостеприимством хозяина и хозяйки. Не на тычке, как на работе, а за столом, всё красиво разложив. А хозяй-

ка уехала в командировку. Можно чуть больше расслабиться, по-мужски. Самый хороший праздник – на буднях. *Когда его совсем не ждёшь.* Собрались-то спонтанно – время было, это при их-то работе «ночь – в полночь», то бишь – в любое время суток.

Квартира у Володи особенная – зал располагается над домово́й аркой девятиэтажки, поэтому, в результате применения строительных норм, высота потолка в зале на полметра, а то и больше, выше обычного. И площадь увеличена. Чувствуешь себя как... в зале концертном!

– Давай я тебе Армстронга поставлю! – говорит широкий добродушный Володя после второй Николаю Евгеньевичу.

– Да ладно, знаю я этот джаз...

– Армстронг – тоже труба! – умничает Витя.

Коля больше по художнической части – с братом кончили худучилище. Жаль, думает Витя, что так и не попросил его показать работы. А сам он не хвалится, не показывает. (А сейчас уже не спросишь – нет человека, ДТП, по работе ехал на служебном. Почему лучшие уходят так быстро?..)

– Нет, Коль, ты послушай! – Володя перешёл к солидной тяжёлой вертушке с польской иглой, ставит диск-гигант.

«Прекрасный мир».

– Ну, как?!

– Это ничего...

– А вот ещё «Мэкки-нож»!

Oh, the shark has pretty teeth, dear, And he shows 'em, pearly

*white...*¹⁰

– А это?!

– Пойдёт.

– Вот видишь, а говоришь, джаз не нравится. Это тебе не Пугачиху слушать.

– Ты погоди, – Толик тоже здесь, – Володе.

Взаимная неприязнь не мешала Вите с Толиком бывать одновременно в одной компании. Пришёл: «А, этот... Ну, ладно.» Компании всегда, за какими-то исключениями, совпадали, совершенно новых не было – не тот, так другой знакомый. Лёвик Круглов, Рома, Игорь иногда... И не уходить же от хороших людей, если у них с Толиком контры. Так же – и ему. Это политики уходят с заседания ООН при выступлении главы враждебного государства. У людей проще.

– Ты погоди, – скалит зубы Толик, с жаром обращаясь к Володе.

Зубы у Толика – блеск. И это в краю железистой болотной воды и частичного авитаминоза.

– Когда мне тампонажников хороших давать будешь?! – глаголет он. – Последний раз пол-бригады приехали пьяные. Где взяли?! Наверно, к соседям заехали¹¹. Одного пришлось из бункера вытаскивать на полном ходу шнеков. Он, види-

---

¹⁰ Перевод с английского: О, у этой акулы те ещё зубы! И он демонстрирует их, жемчужно-белые...

¹¹ Имеется в виду соседняя область.

те ли, решил залезть в эту мясорубку – зависший цемент сбить. Еле выгнали дурака из бункера.

– Да?! Не знал, – говорит Володя, тампонажников начальник. – Разберусь.

Все они пока на полуулыбке, довольные спокойствием, душевным допингом и дружеской атмосферой.

– Ладно, кончайте о работе... – говорит Николай Евгеньевич.

Плотный невысокий блондин, он развалился на стуле и блаженствует.

Но Толик завёлся:

– В тот раз они у меня полдня съели! Звонить я, конечно, не стал, но сам понимаешь... – продолжал он наседать на Володю. – А твои, – это уже Николаю Евгеньевичу, – придут – время тянут: раствор плохой. Всю скважину прошёл – был хороший, а тут – плохой...

Витя намёк понял. Жалоба. Пока неофициальная.

– Анатолий Иванович, пойми, – говорит Николай, – раствор должен быть по проекту, а не какой-нибудь... И вообще, дайте отдохнуть, хватит о работе. Лучше о чём-нибудь другом...

– Про южнокорейский «Боинг» слышали? – (Володя).

– И что? – (Толик).

– Над Сахалином наши сбили пассажирский самолёт – нарушил границу. А в нём народу под триста человек... – (Николай).

– И правильно, раз нарушил границу! – (Толик). – Это всё американцы.

– Самолёт южнокорейский... – (Володя).

– Говорят, на борту была разведывательная аппаратура. – (Николай).

– Ну, вот... – (Толик).

Замолчали. Жаль людей, но... Они, здесь собравшиеся, были советские: идеологическая привычка и воспитание перечёркивали идущую изнутри жалость.

– Тоже, нашли тему для разговора, – вздыхает Коля. – Давайте лучше о девушках.

– О бабах... О бабах, господа, – подхватывает Володя. – Валя-то из планового родила!

Валя. Глядела она на Витю, а он на неё в ответ, но его девушка ждала, теперь жена. Он тогда Вале об этом и сказал. Не раз вместе с Вале в молодёжной компании были. Валя супер – лицо, фигура, грудь. И характер.

О чём говорили?! Ни о чём! То есть обо всём! Парни фанфаронились друг перед другом и девушками. Девушки смеялись над ними. В меру. Нарушение меры ведёт к нежелательным последствиям в целом. У Вити такое было. То есть над ним. Сатирой по лирике. Лирика в проигрыше. Ну и хорошо! (Говорит он сейчас). А то ещё неизвестно, как бы с той всё было. Да и не любил он её. Придумывал. И было это в других географии и времени.

Интересно в молодёжной компании в общезитии! Коман-

да сборная – из разных мест Союза, кто откуда распределился. Интересно и девушкам, и парням. Той компании нет – остепенились все. Валя последняя. Она молодец, не позволяла жалеть себя, всё на улыбке. И решилась с этим своим, мелькал он, видели. Бросит первую семью? Их дело. Может, как-то помочь материально?! Ребёнок ведь, а она одна.

– Мужики, – говорит Витя, – может, сбросимся в виде матпомощи Валентине, ребёнок ведь, а она одна.

Валю все знали, работая вместе в малочисленной конторе.

– Чё-эт одна?! – возмутился Толик. – Кто папаша, пусть тот и даёт.

Не поддержал. «Вагончик под елью», – неправильно думает Витя.

– Соберём, соберём, давай завтра. – Николай Евгеньевич поддержал.

(На следующий день Витя собрал деньги, отнёс женщинам в плановый для передачи. Герой Толик был единственным, кто отказался. На то он и Толик.)

– Пойдём, покурим, – неожиданно говорит Толик Вите.

Тогда ещё он курил, потом бросил, храня ценное здоровье, и начал проповедовать теорию, что тот, кто не курит, может много выпить. Возможно.

Курили на балконе. Далеко видно: город маленький – дома и сразу – тайга. Стоят, щурятся с Толиком, трусят пепел в пепельницу. Вдруг Толик:

– Брат у меня в Афгане погиб. Одна фуражка на самоваре

и осталась.

Показалось, слеза сверкнула.

Зачем он это сказал Вите?!

Слышал Витя мельком. Об Афгане не говорили. В компаниях разве иногда. А тут Толик сам сказал. Вот где боль, тоска человека – по брату младшему, любил. От своего, от глубинного. А Витя при чём? Не он же направлял. Родина. Но, получается, *гады все*. В том числе и Витя. Тем более, *мешает*. Так просто-непросто. Личное не может замереть – бросается на окружающих. *На кого можно*. Ищет душа хоть какого-то успокоения. Это необъяснимо никакой классовостью-кастовостью. А если *объяснимо* – для отвода глаз: *работают не дают, премии лишают, план срываюот, когда они будут работать?! А там – болит, не отпускает. И пока не отпустит...*

– Ты что же думаешь, – продолжает Толик уже агрессивно, но с коррекцией на нахождение в гостях, – ты что же думаешь... Найдутся, кто скажет тебе, как надо. И накажет.

До Вити доходит сразу. Хотя драки не намечается. Что сказал Толик? А ничего не сказал! *Он имел ввиду, что старшие товарищи по должности поправят на совещании. И тоже премии лишат*. Как бы не так. Плевал Толик на совещания. Про палку помните? Есть средства более действенные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.